

Б. А. СЕРЕБРЕННИКОВ (Москва)

О НЕКОТОРЫХ ХАРАКТЕРНЫХ ОСОБЕННОСТЯХ ДРЕВНЕГО СИНТАКСИСА ЯЗЫКА КОМИ

Синтаксис языка коми, как и мордовских языков, испытал очень сильное влияние со стороны русского синтаксиса, которое проявляется в порядке слов, в манере построения предложений, в общих моделях образования придаточных предложений и т. д. Словом, синтаксис современного языка коми в значительной своей части использует модели русского синтаксиса.

Вместе с тем возникает вполне закономерный для языковеда вопрос: всегда ли синтаксис языка коми был таким? В истории народа коми было время, когда он не имел связей с русским народом и язык его не испытывал русского влияния. Какими характерными особенностями обладал синтаксис языка коми в ту очень далекую эпоху и каким путем можно установить эти особенности?

Общее представление об особенностях древнего синтаксиса можно получить чисто индуктивным путем с последующей проверкой выводов на материале современного коми языка, привлекая материалы родственных языков, лучше сохранивших архаичные черты синтаксиса. Начать нужно с анализа морфологического типа языка. Коми язык — это язык агглютинативного типа в его наиболее чистом виде. Современная уралистика не располагает никакими достоверными данными о том, что в древности морфологический тип языка коми был иным. Мы можем с полной уверенностью утверждать, что в первом тысячелетии нашей эры язык коми был агглютинативным. Отсюда можно сделать целый ряд важных выводов.

Языки агглютинативного типа имеют специфический синтаксис, основные особенности которого сводятся к следующему: 1) твердый порядок слов — *определение + определяемое*; 2) препозиция всех конкретизаторов глагольного действия как следствие порядка слов *определение + определяемое*; 3) конечное положение глагола; 4) отсутствие придаточных предложений и широкое распространение причастных и деепричастных конструкций, а также так наз. абсолютных деепричастных оборотов.

Если древний язык коми был чистым агглютинативным языком, то можно предполагать наличие в нем определенных синтаксических свойств.

В древнем языке коми строго соблюдался закон порядка слов: *определение + определяемое*. Это значит, что все прилагательные и формы родительного падежа, выполнявшие функцию определения,

предшествовали определяемому. Препозитивная позиция прилагательного сохраняется и в современном языке коми. Предложения типа *утку большую убил он* для него не типичны. Влияние русского синтаксиса в данном случае оказалось безрезультатным.

Что же касается формы родительного падежа, то в современном коми языке слово в родительном падеже может стоять как перед определяемым существительным, так и после него: *Нывлӧн синъясыс видзӧдӧсны сы вылӧ, сьбӧд да кузь синкымъясныс качисны вывлань* (Изъюров Том ол. 41) 'Глаза девушки посмотрели на него, черные и длинные брови взметнулись кверху'; *Нимыс нывкалӧн вӧлӧма Лида* (Изъюров Том ол. 61) 'Оказалось, что девушку звали Лида'.

Препозитивная позиция формы родительного падежа отражает специфическую особенность древнего синтаксиса языка коми, в котором строго соблюдался порядок слов: *определение + определяемое*. В удмуртском языке препозиция родительного падежа является нормой: *Исправниклэн кышноез ар талэз азьло кулӧз* 'Жена исправника умерла на год раньше'. Препозиция формы родительного падежа типична и для марийского языка: *Костян ачаж ден аваже Галям шукеретсек вучымо уна семын йывыртен вашлийыныт* (Иванов Т. кор. 54) 'Отец и мать Кости встретили Галю как давно ожидаемую гостью'.

Определение могло быть выражено также причастиями. В древнем языке коми причастие помещалось перед определяемым существительным. Если действие, выражаемое причастием, имело собственные определения, то они предшествовали причастию. В современном языке коми это древнее состояние довольно хорошо сохранилось: *Петӧс кухняӧ. Син улас уси стенин ӧшалысь ружьёйс* (Войвыв кодзув 1966 3 23) 'Вышел в кухню. В глаза бросилось ружье, висящее на стене'.

В языке коми невозможен порядок слов: *ружьёйс, ӧшалысь стенин* 'ружье, висящее на стене'. Влияние русского языка не нарушило порядка слов в причастных конструкциях.

Если глагольное действие выражено отглагольным именем, то все конкретизаторы этого действия также занимают препозитивное положение: *Салдатысь воӧм бӧрын, Микол Иван, Генялӧн батысь дыркадъ висис* (Рочев Кык друг 15) 'После возвращения с солдатской службы (букв. после прихода из солдат) Иван Михайлович, отец Гени, долго болел'; *Мымыслӧн командировкаӧ друг мунӧмыс Тамаралы вӧлі гӧгӧрвотӧм жӧ* (Юхнин Тундр. бияс 395) 'Внезапная поездка матери в командировку была Тамаре также непонятна'. Необходимо отметить, что такой порядок слов оказался очень устойчивым. Влияние русского языка не нарушило его.

Деепричастия в древнем языке коми рассматривались как своеобразные определения или конкретизаторы глагольного действия, выраженного личной глагольной формой. Поэтому они располагались перед личной глагольной формой. Этот порядок в известной мере сохранился и в современном коми языке: *Коръяс йылысь вунӧдӧмӧн, Вася уськӧдчис вотчыны мунысьяс бӧрысь* (Рочев Кык друг 156) 'Забыв об оленях, Вася бросился догонять идущих'; *Дуня, кок чунь йылын вӧслалӧмӧн, гусьӧник пыравліс сушилкаӧ* (Рочев Кык друг 136) 'Дуня, шагая на цыпочках, украдкой зашла в сушилку'.

Если действие, выраженное деепричастием, имело собственные определения, то они располагались перед глагольным действием. Это древнее состояние до некоторой степени сохраняется и в современном коми языке: *Мамыс, аслас дитя вылӧ синва пыр видзӧдӧгтыр, еджыд каленкор торйысь вурис шебрас дӧра* (Рочев Кык друг 91) 'Мать, глядя сквозь слезы на свое дитя, шила из куска белого коленика покрывало'.

Однако под влиянием русского языка данный порядок в настоящее время перестал быть правилом. Деепричастие может помещаться и после личной глагольной формы: *Фельдшер локтіс сёрмыштöмön* (Рочев Кык друг 259) 'Фельдшер пришел, немного запаздывая'; *Сійö муно тэрмасьтöг, чери кыйигтыр* (Рочев Кык друг 90) 'Он идет не торопясь, занимаясь ловлей рыбы'.

Наречия в древнем языке коми также рассматривались как определения или конкретизаторы глагольного действия и располагались перед личной глагольной формой. Этот порядок отчасти сохранился в современном коми языке: «*Бура тöдан роч кыв*», — *шуис велöдысьыс* '«Хорошо знаешь русский язык,» — сказал учитель'.

В современном языке существует и обратный порядок, когда наречие ставится после глагольной формы: *Батгыслön дадюлыс муно öдийön* (Рочев Кык друг 155) 'Отцовская упряжка едет быстро'; *Прибор уджаліс лючки-бура* (Игнатов Шор. виз. 5) 'Прибор работал исправно'. Глагол практически может занимать любое место в предложении. Следует однако заметить, что в распространенных предложениях конечное положение глагола встречается крайне редко.

Иначе обстояло дело в древнем коми языке: личная глагольная форма помещалась в конце предложения. Для агглютинативных языков такой порядок вполне естествен.

Причастия, которые могут выступать в роли определений, согласно господствующему в агглютинативных языках закону *определение + определяемое*, стремятся предшествовать своему определяемому. Поэтому личная глагольная форма, не способная быть определением, отесняется на конец предложения. На первый взгляд может показаться, что это положение нельзя доказать на материале современного языка коми, так как ни в одном диалекте конечное положение глагола не сохранилось. Однако при более внимательном изучении вопроса и в современном языке можно найти косвенные доказательства этого положения:

1. В современном коми языке есть случаи, когда при нагромождении различных обстоятельств, дополнений и определений в начале предложения личная форма глагола отесняется на самый конец предложения, например: *Купечлön бөрвя кывьясьыс Федяльыс сьёлмсö ныж пуртön кырыштисны* (Рочев Кык друг 40) (букв. Купца последние слова Феда сердце тупым ножом резанули). Если принять во внимание, что в древнем языке коми выдвигание всех определений, обстоятельств и дополнений в начало предложения было правилом, то вытеснение личной глагольной формы на конец предложения легко объяснимо.

2. В коми языке существует так наз. длительное прошедшее время. Оно образуется путем присоединения к формам настоящего времени частицы *вöлі*, исторически восходящей к форме 3-го лица ед. числа первого прошедшего времени глагола *вöвны* 'быть', например: *муна вöлі* 'я шел', *мунан вöлі* 'ты шел', *муно вöлі* 'он шел' и т. д.

Если бы спрягаемые формы глагола *вöвны* не занимали конечного положения, как это может иметь место в современном языке, то утрата личных окончаний распространилась бы на основной глагол, например: *вöлі муна, вöлін муна* и т. д., поскольку повторение личных окончаний было бы плеоназмом. Сохранение личных окончаний у основного глагола служит доказательством того, что вспомогательный глагол занимал конечное положение.

Любопытно отметить, что в соответствующем по значению удмуртском прошедшем длительном времени типа *мынйсько вал, мынйськод*

вал, мынэ вал 'я шел, ты шел, он шел' и т. д. частица вал всегда занимает конечное положение. Например: *Катя солэсь нэнэээ но дэдязэ но туж умой тодэ вал* (Блинов Ул. потэ 9) 'Катя очень хорошо знала его мать и отца'.

Убедительным доказательством того, что в древнем коми языке глагол занимал конечное положение, может служить удмуртский язык, где это состояние сохраняется по сей день. Для иллюстрации приведем небольшой отрывок из удмуртского текста:

Гуртмы вырйылын сылэ. Нуназе паласен кутскыса, шунды пуксён палтй котырскыса, уй пала паськыт возьёс кузя Лоза шур бызе. Шурлэн котыраз возьёс пасьта ик нюръёс волскемын. Шур съёрын син сузэнтэм кыдёке сьод нюлэс кошке. Чук паласен гучин гурезь кузя бадзым сюрес ортче. Солэн мыд-мыд пал дурьёсаз даурзэс тодйсьтэм кызьпуос сыло, куспазы пинал дырьязы адзем ужъёссы сярись шыпырто. Кузонысен Сибире мынйсь сюрес вылэ сыче ик бадзым сюрес потэ. Со сюрес Сарапульсь потэ (Митрей Зурка Вужг. 5, 6).

Перевод с сохранением порядка слов: Деревня наша на возвышенности стоит. Беря начало на юге, повернув немного к западу, затем по направлению на север по широким лугам Лоза река бежит. Около реки, такие же широкие, как луга, болота протянулись. За рекой, насколько хватает глаз, черный лес идет. На востоке, по горам, там, где когда-то была деревня, большая дорога проходит. По обеим сторонам ее вековые березы стоят, между собою о своем детстве шепчутся. Из Казани в Сибирь идущую на дорогу такая же большая дорога выходит. Это дорога от Сарапуля идет.

Правда, в современном удмуртском языке этот порядок может иногда нарушаться, но тем не менее мы можем говорить о сохранении древнепермского состояния.

Постановка глагола на конце предложения типична также для марийского языка, что можно проследить на примере следующего текста:

Касвелне але шем шикши тўрга, тул меҥге¹ кава ден мландым уша. Корнышто, пасуштат, ялыште, олаштат эре пурак, кече тўтыра вошт ончымыла пыкше волгалта: ужар пушеҥге ош оралте сур тўсан улыт. Алат тушто виён кошташ ок лий: снаряд, бомба мландым кўргынчыт, эркас вулно йўр йўреш (Иванов Т. кор. 9).

Перевод: На западе еще черный дым клубится. Столб огня небо и землю соединяет. На дорогах, на полях, в деревнях и городах — всюду пыль. Солнце, через туман проглядывая, еле светит: зеленые деревья покрыты беловато-серой пылью. Прямо ходить здесь нельзя: снаряды и бомбы землю взрывают, утром и вечером оловянный дождь идет.

Влияние русского языка привело к тому, что постановка личной глагольной формы на конце предложения перестала быть правилом, что повлекло за собой изменение древнего порядка слов: из некогда фиксированного он стал более свободным.

В древнем языке коми различные обстоятельства и дополнения занимали место перед личной глагольной формой. Такой порядок слов отчасти сохраняется и сейчас, например: *Отарсянь и модарсянь лыйсьёмъяс лоины век частойджыкось* (Юхнин Тундр. бияс 315) 'Выстрелы с той и другой стороны становились все чаще'.

Однако одинаково возможна и постановка обстоятельственных определений после личной глагольной формы: *Товся кодзидъяс заводитчисны водз* (Юхнин Тундр. бияс 242) 'Зимние холода начались рано';

¹ По техническим причинам в примерах на марийском литературном языке введен знак л.

Маркелов босьтис юрсьыс шапкасö (Юхнин Тундр. бияс 305) 'Маркелов снял с головы шапку'.

В древнем языке коми не было придаточных предложений русского типа. Зато в значительно большей степени были развиты причастные и деепричастные конструкции.

Интересным пережитком древнего синтаксиса являются так наз. абсолютные деепричастные обороты, имеющие собственное подлежащее. Чомйö бөр бергöдчигбн, шондйыс вöлі нин асыв лунын (Рочев Кык друг 51) 'Когда он возвратился в чум, солнце уже было на востоке' (букв. в чум назад возвратившись, солнце уже было на востоке). Чомйö вöлісны ывла югдигбн (Рочев Кык друг 116) 'Пришли в чум, когда светало'.

Из причастий в древнем коми языке, по-видимому, были распространены причастия на *-г*, *-ысь* и *-öм*, поскольку они имеют параллели в других финно-угорских языках.

Можно предполагать, что в древнем языке коми существовали условные придаточные предложения, вводимые постпозитивным союзом *кö*. Этот тип предложения сохраняется и в современном коми языке, например: Кулам кö, мед нин öтлаын кулам 'Если умрем, пусть уж лучше вместе умрем'. Предложения этого типа имеются и в удмуртском языке: лэзизы ке, мыно 'если отпустят, поеду'.

Под влиянием русского языка сфера употребления деепричастных конструкций значительно сократилась. Абсолютные деепричастные конструкции стали редкостью. Появилось большое количество придаточных предложений, образованных средствами коми языка по соответствующим русским моделям.

Подытоживая вышесказанное, можно сформулировать следующие выводы:

1. Синтаксис древнего коми языка был иным по своему характеру. Он больше напоминал синтаксис тюрко-татарских языков, а из современных уральских был довольно близок к синтаксису марийского и удмуртского, а также самодийских и обско-угорских языков.

2. Наиболее значительным результатом влияния синтаксиса русского языка было устранение правила постановки личной глагольной формы на конце предложения, что повлекло за собой глубокие и радикальные изменения порядка слов. Некоторые модели расстановки слов оказались все же очень устойчивыми.

3. Изменение древнего порядка слов вместе с тем открыло широкую возможность создания по русским моделям различных типов придаточных предложений и оттеснило на задний план деепричастные конструкции и абсолютные деепричастные обороты.

Такова общая картина изменения синтаксиса древнего языка коми.

Сокращения

Блинов Ул. потэ — П. Блинов, Улэм потэ, Ижевск 1952; Иванов Т. кор. — В. Иванов, Түңалме корно, Йошкар-Ола 1959; Игнатов Шор. виз. — М. Игнатов, Шоръяс визувтöны юö, Сыктывкар 1963; Изъюров Том ол. — И. Изъюров, Том олёмой, том гажой, Сыктывкар 1962; Митрей Зурка Вужг. — К. Митрей, Зурка Вужгурт, Ижевск 1958; Рочев Кык друг — Я. Рочев, Кык друг, Сыктывкар 1951; Юхнин Тундр. бияс — В. Юхнин, Тундраса бияс, Сыктывкар 1957.

B. A. SEREBRENNIKOV (Moscow)

ON SOME SYNTACTICAL PECULIARITIES OF THE OLD ZIRYENE LANGUAGE

The syntax of modern Ziryene is strongly influenced by the syntax of Russian. Many syntactical constructions have been built on the pattern of the corresponding Russian constructions. The task of the linguist is to reconstruct the archaic features of Ziryene syntax which were peculiar to this language before the beginning of intensive contacts of the Ziryene population with Russians.

This reconstruction can be made in two different ways: 1) by ascertaining such constructions in the syntactical structure of modern Ziryene which are peculiar to the agglutinative type of language, and 2) comparison of modern syntactical constructions of Ziryene with corresponding constructions of those Uralic languages in which archaic syntactical features have been better preserved.

The author comes to the conclusion that the syntax of old Ziryene possessed all the characteristic syntactical features of agglutinative languages (a fixed order of words — attribute + noun, the predicate at the end of the sentence, subordination as a leading principle of sentence-structure, absence of copulative conjunctions, etc.).